

САРАТОВ. Шар ниоткуда

Мы не птицы, нет более «далекого» от нас транспорта, чем воздушный. А если вообще нет крыльев, мотора, винтов – только гондола с шаром, почти совсем беззащитная?

Тонкую, ироничную и печальную пьесу «Шар братьев Монгольфье» написал **Вадим Леванов**, одаренный, рано умерший драматург. Тонко, иронично и печально перенесла текст на сцену **Саратовской драмы Елена Оленина**, московский режиссер. Знаем ее по двум постановкам в **ТЮЗе Киселева**, и Леванова она уже ставила.

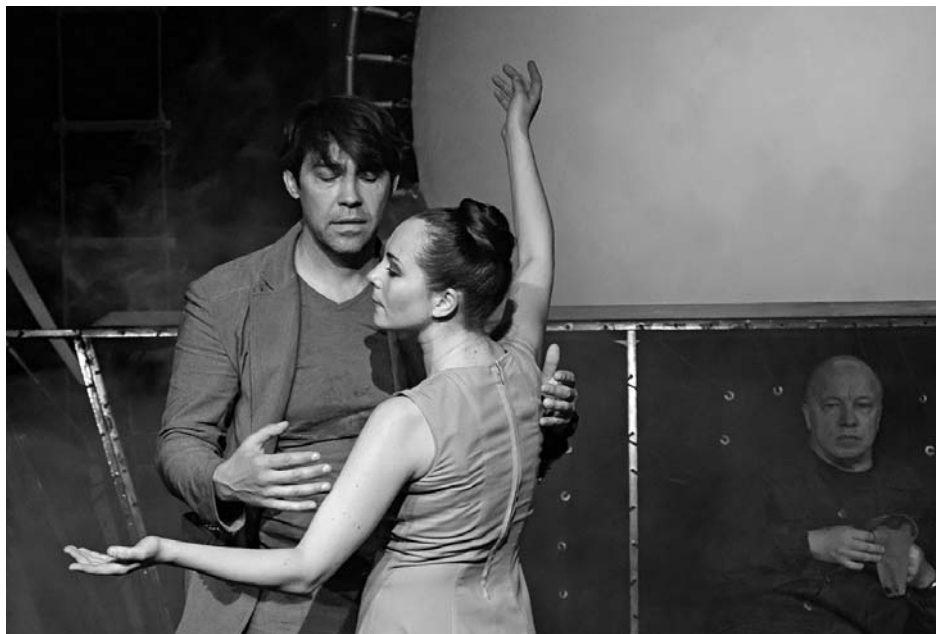
Начинается все как комедия, причем очень смешная, во французском стиле. Благодаря приятной слуху литературной речи героев, мягкой игре – особенно Инструктора (**Владимир Назаров**). Исключительно вежливый, почти с парижским шиком («Спокойней, мадам! Соблюдайте меры безопасности, и наш полет

доставит вам истинное наслаждение»). И костюмчик у него такой ненашенский, с множеством удобных карманов (от художника **Юрия Наместникова**). Несмотря на частые падения – упал с крыши, «сверзился» с «чертова колеса», с шара – его тянет в небеса. Оптимист? Здесь все непросто. Может, такой наземный Харон.

Его антипод – Пессимист обладает удивительной харизмой при всей внешней сумрачности (**Валерий Малинин**). Он (герои здесь без имен) докопается, что это **первый** полет Инструктора. Она (**Татьяна Родионова**) – прелестная, хрупкая, крайне возбудимая: то бурно восхищается полетом, дергая без нужды веревку набора высоты, то громко рыдает (есть переборы, но надо быть не знающим, чтобы передать всю эту мгновенную смену настроений!), то вдруг признается: «Я страшно боюсь высоты». Оче-

«Шар братьев Монгольфье». Сцена из спектакля

Он – В. Малинин, Она – Т. Родионова

ровательно выглядит их первый диалог:
«Она. Я счастлива-а-а!!! Я лечу!!! Лечу-у-у!»

Он. Я тоже лечу. Ну и что?

Она. Ура-а-а-а!!! Он. Зачем так кричать?

Она (смеется). Вы не понимаете! Ура-а-а-а!!!»

Взаимный «лед и пламень» соединит этот странный полет и смешной Инструктор, который, оказывается, никакой не парижанин. Очень, живой, осязаемый, как его мешки с песком, именно он не позволит этим двоим воспарить... в жанр мелодрамы. Пространство вокруг аэростата населено плотно: летают братья Монгольфье, его придумавшие (слаженный дуэт **Максима Локтионова** и студента **Вячеслава Мельника**) и королевская чета Людовик – Мария-Антуанетта, наблюдавшие полет шара в Версале (антрепризна их игра в «мужчин – женщин»). Летают Души путешественников. Изобретатели Жозеф и Этьенн являются перед потерпевшими крушение и с истинно французской галантностью задают вопросы Душам – юным копиям воз-

духоплателей. А те и отвечать не желают. Им бы на «**Небесный суд**» **Алены Званцовой**, где сурово и беспристрастно решают, куда направить человека – в рай или в ад. Но как бы ни дурачились обаятельные братья, они тоже судят и решают. И от честного ответа каждого путешественника зависит их общая судьба.

Хоть раз в жизни сказать всю правду, как на духу... Как это, оказывается, трудно... Или невозможно? («*Один утверждает, что полетел от скуки, другая говорит что-то о бесконечных мужчинах и облаках, третий, ссылаясь на Гагарина, признается, что хотел угнать воздушный шар в Америку*»). Братики, резвясь и клоуничая, называют себя Черепановыми, Райт, Люмьерами. И тут же перевоплощаются в плоды воображения впечатлительной мадам. И грим у них ускользающий – в поллица. Играют, играют и – заигрываются («*Жозеф (шипит). Замолчи! Сегодня мы не братья Люмьер!*»). Однако приговор выносят окончательный: пострадав-

Этьенн – М. Локтионов, Жозеф – В. Мельник

Ее душа – Е. Ледеява

Инструктор – В. Назаров, Она – Т. Родионова

шие «сами выбрали то, что выбрали». Души возвращаются в тела, тела – на шар, шар стремительно падает...

Сумбурной, горячечной исповедью пытается «поменять» финал мужчина. Но снова недоговаривает. Не того ждали от Него загадочные французы, не того ждет Она. Только перед самой землей тайно влюбленных неудержимо кидает друг к другу. В последнюю минуту приходят самые простые, самые искренние слова: «Я полетел из-за тебя» – «Я полетела из-за тебя». Стоит умереть, чтобы их услышать. Равносильны другому великому признанию: «Я тебя никогда не увижу» – «Я тебя никогда не забуду». Первый раз улыбнулся Пессимист – самой обаятельной на свете улыбкой...
...Грохот и ослепительная вспышка пе-

ред тем, как появились на сцене Души. Вспышкой и грохотом все заканчивается. То была гроза, теперь ракета с военного вертолета. В пьесе это неважно, герои погибли раньше, просто им дали последний шанс вернуться к самим себе. Комедия с налетом сентиментальности незаметно становится притчей, посланием человека, который что-то предвидел в нашей жизни (в 1998 году пьеса получила «Хрустальную розу» Виктора Розова). Режиссер решила ее в пластическом ключе: актеры красиво и слаженно двигаются, усиливая кратно повторенными жестами метафоричный язык мизансцен. Но в какой-то момент устаешь от мельтешения Теней вокруг шара. Зато как хорош сам шар (художник-постановщик **Юрий Наместников**): фактурен, комфортен, надежен – обложенный подушками, обвязанный веревками, утяжеленный мешками. Как на таком не полететь? Крошечные пузатые подушечки украсили наряды и прически, превратив Тени в уютные воздушные миражи («Мне всегда казалось, что облака должны быть мягкими, как пух, как вата. И теплыми, как одеяло...»). Все сулило приятную прогулку. И так забавно начиналось...

Драматург не видел продолжения своей истории. Мы, увы, – видели. Сбитые неизвестно зачем мирные самолеты. На круглом экране взойдет оранжевое солнце – идет кинохроника научных достижений... и дьявольских свершений человека разумного. Режиссер расставила точные акценты – ее право. Мы уходим из театра с ощущением горькой несправедливости смерти. Однако, как мне кажется, левановский текст мудрее. Призову на помощь Михаила Булгакова: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен...» Успеем ли мы сказать живым все, что должны сказать? Готовы ли к честным ответам на прямые вопросы там, откуда еще никто не возвращался?

Ирина КРАЙНОВА

Фото предоставлены театром